

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ЕЛЕНА ЧИЖОВА: КРОВЬ И ЯРОСТЬ

Елена Чижова – новая звезда русскоязычной прозы. Она победитель “Русского Букера” 2009 года, директор Санкт-Петербургского Пен-клуба, главный редактор международного журнала “Всемирное слово”. Романы Чижовой активно издаются и широко продаются в нашей стране. Статьи и интервью Е. Чижовой часто публикуются в различных газетах и журналах. То есть у писательницы есть все возможности влиять на умы и души читателей, и уже поэтому интересно разобраться в том, какие смыслы несёт её слово.

Некоторые авторы, характеризую прозу Чижовой, указывают на её художественную ущербность: чрезмерную публицистичность, политизированность, идеологизированность. Татьяна Трофимова в отзыве на роман “Полукровка”, в частности, отмечает: “Еврейство, национальный вопрос, гнёт государственной системы, преследование инакомыслия, несправедливость, издавна прокладные отношения с прибалтийскими народами – полный набор тем настолько вечных в своей провокационности, что на страницах романа едва ли приличных” (http://www.chaskor.ru/article/golos_krovi_19408). А Леся Боброва в статье “СССР и волк-полукровка” утверждает, что роман “Полукровка” сделан “не ахти как хорошо и местами переходит в чистейшую беллетризованную публицистику” (booknik.ru/reviews/fiction/?id=33627).

На подобного рода упреки Чижова невольно ответила, формулируя своё творческое кредо в беседе с Еленой Погорелой: “...воспитывала в себе в течение двадцати лет умение доводить повествование до звука. Точнее говоря, начинать со звука. Но при этом мне нужны полноценные историко-интеллектуальные смыслы. Иначе мой метод остаётся неполным” (“Вопросы литературы”, 2011, № 3). Именно “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики писателя будут в центре нашего внимания.

В беседе с Кириллом Решетниковым (“Взгляд”, 2009, 4 декабря) Чижова называет нашу историю чудовищной, имея в виду советский период её. В этой оценке (чудовищная, а не трагическая) проявилась наиважнейшая особенность личности и мировоззрения писателя – антисоветизм.

Антисоветизмом сегодня никого не удивишь, он – правило хорошего тона на государственном уровне, в либеральных кругах, и не только либеральных... И всё же даже на этом фоне антисоветизм Чижовой выделяется особым зарядом ненависти и примитивного отрицания. Приведу некоторые высказывания автора: “На самом деле страна ведь была немой” (“Взгляд”, 2009, 4 декабря); “Дело не в том, что я доказываю себе или читателям, что в СССР было плохо. Хорошо там могло быть только слепым – тем, кто не желал или не умел постичь очевидного. Что там могло быть хорошего, если до

сих пор мы ходим по земле, в которой лежат миллионы погибших и замученных”; “…советская цивилизация – духовный тупик” (“Вопросы литературы”, 2011, № 3).

В прозе и публицистике Чижовой вызывает интерес не тотальное отрицание советской цивилизации (с чем я, монархист, не согласен), а то, как “советское” соотносится с “русским”, каким изображается далёкое и близкое прошлое, и какие в результате “историко-интеллектуальные смыслы” возникают.

Е. Погорелая в статье “В поисках озвученного времени” утверждает, что пафос романов Чижовой – преодоление человеком, мыслящим и страдающим, советского мира, который обозначается через местоимения он, они, их и т. д. (“Вопросы литературы”, 2010, № 3). Это так и не так: лежащим на поверхности смыслом советская тема у Чижовой не исчерпывается. Негативные высказывания героев и автора о СССР по-разному корректируются суждениями национально-метафизической направленности.

Многие персонажи романов “Лавра”, “Полукровка” проклинают страну, в которой им не повезло родиться. Наиболее часто это делают Митя (“Лавра”), Мария и Иосиф (“Полукровка”). Хулу героев в адрес родины можно трактовать узко идеологически (что, собственно, и делают критики) как проявление ненависти к СССР. Но всё же куда больше оснований утверждать, что эти частые поношения адресованы России исторической. В большинстве высказываний героев “советское” и “русское” отождествляются, или первое естественно вырастает из второго, или “советское” временно нейтрализует проявление русского «нутра». Последний случай проиллюстрирую примером из “Полукровки”.

Юлий (чьи мысли, если судить по публицистике Чижовой, довольно часто выражают авторскую точку зрения), рассуждая об антисемитизме, приходит к выводу: “…дело не в личном антисемитизме Сталина, а в том, что антисемитский пафос, приглушённый (здесь и далее в цитате разрядка моя. – Ю. П.) советской победой, имманентно присущ самим язычникам-победителям. Так уж сложилось, что их Великая Октябрьская разворачивалась под лозунгами интернационализма. К концу сороковых советские идеологи будто спохватились”. Язычники-победители с их врождённым антисемитизмом – это русские. Высказывание Юлия никем в романе даже не ставится под сомнение. С большой долей уверенности можно утверждать, что позиция героя и позиция автора в понимании данного вопроса совпадают.

В этом высказывании Юлия, в котором легко узнаётся либеральная версия событий XX века, логически и сущностно концы с концами не сходятся. Если революция – победа русских антисемитов, то откуда тогда взялся интернационализм? То есть либо русские – не антисемиты, либо им кто-то этот интернационализм навязал, оказавшись сильнее их. Но тогда и победа не русская, и власть не русская… Возможны, конечно, и другие версии данного эпохального события, но вне исторической модели Юлия, в любом случае необходимо понять и объяснить природу русофобии советских победителей-руководителей, антирусскую государственную политику и многое другое, что обходят стороной все герои Чижовой и она сама в разножанровых публикациях.

Вполне закономерно и то, что главная героиня романа “Лавра” любит именно Митю, все чувства, мысли которого слились в одно – “как сладостно отчизну ненавидеть”. В этих словах Печерина, цитируемых Митей с болезненно-сладоострастным воодушевлением, выражено жизненное кредо западников XIX века, пламенных революционеров, диссидентов 60–70-х годов XX века, современных либералов и других ненавистников исторической России. В мире Чижовой у них нет полноценных, достойных оппонентов: русские патриоты в прозе и публицистике автора показательно отсутствуют.

То, что Митя (“Лавра”), Мария, Иосиф, еврейская диссидентствующая молодёжь (“Полукровка”) выражают авторское отношение к России, подтверждает, помимо сказанного, эссе Чижовой “И смогу сделать только я…” (“Вопросы литературы”, 2010, № 1). В нём писательница свою ненависть к отчизне навязывает Марине Цветаевой. Приводя высказывание поэтессы (“Россия для меня <...> почти тот свет”), Чижова замечает: “…но ведь всё-таки тот свет, куда отправляются в смерть”. А завершается данный сюжет так: “Цветаева возвращается (в СССР. – Ю. П.) – в другую жизнь, нежизнь. В смерть”.

В этом ключевом фрагменте эссе игнорируются, по меньшей мере, следующие факты, которые разрушают авторскую концепцию. Для Цветаевой жизнь – всё равно где: в России, Европе, СССР – была “почти тот свет”.

“Жизнь – это место, где жить нельзя” – эти слова из “Поэмы Горы” (1922) созвучны с высказываниями разных лет. Например, с признаниями 1923-го, 1931 годов из писем Роману Гулю и Саломее Андрониковой-Гальперн: “Я не люблю земной жизни, никогда её не любила, в особенности – людей”; “Мне, Саломея, мешают люди <...>. Поймите меня: вся моя жизнь – отрицание её” (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 7. – М., 1995).

Есть смысл напомнить: к СССР Цветаева относилась по-разному. Она в 30-е годы славилась Советский Союз в стихотворении “Челюскинцы”, а в “Стихах к сыну” призывала Мура вернуться на Родину – страну будущего, “Россию-масс”. Аналогичное она желала Валентину Булгакову (письмо от 2 января 1926-го года) и другим. Для себя же Цветаева эту возможность долгое время исключала, так как боялась, что в СССР её “упекут”... В письме к С. Андрониковой-Гальперн от 7 сентября 1931 года поэтесса так пояснила свои опасения: “...я там не уцелею, ибо негодование – моя страсть (а есть на что!)”.

И, наконец, главное: Цветаева никогда не испытывала ненависти к России, и русофобией Марина Ивановна не страдала. Чижова же отношение к России Цветаевой, её дочери, других высчитывает, руководствуясь практическими соображениями, то есть демонстрирует тот подход, который в стихотворении “Тоска по Родине” опровергается безотчётной – вопреки логике – любовью поэтессы. Закономерно и то, что Чижова не может понять, почему Ариадна Эфрон ни разу не пожалела о возвращении в СССР.

Антисоветизм и ненависть к России у Чижовой напрямую связаны с отношением к народу. Она (как и все либералы) не может принять ту традицию в восприятии народа, которую заложили русские писатели XIX века. Отсюда тот “отлуп” классикам, который даёт Мария в “Полукуровке”. Нечто подобное – уже напрямую, от автора – происходит в очерке Чижовой о Данииле Гранине “Когда подводишь итог...” (“Вопросы литературы”, 2009, № 6).

Чижова, приводя гранинскую интерпретацию рассказа Чехова “Студент”, заключает: “Почему мне трудно разделить радость студента? (Радость от того, что две “бабы”, которым студент рассказал библейскую историю о Петре, плачут, сопереживая раскаявшемуся отреченцу. – Ю. П.). Почему я думаю, что и Гранин, и Чехов ошибаются – во всяком случае; применительно к нынешнему времени, к нашим “растрёпанным бабам”? Так же горько – да что там, куда горше? – этих самых “баб” (по крайней мере, большинство из них) растрогает вымышленная история какого-нибудь очередного мексиканского дона Педро или рабыни Изауры. Но не правдивая история рабов, которых – миллионами – обратили в советскую лагерную пыль...”.

Отмечу сразу более чем странный полемический приём Чижовой. Опровергать чеховское отношение к женщинам XIX века гипотетическим поведением женщин сегодняшних – это всё равно, что через 100 лет говорить: Чижова неправильно воспринимала своих современников, ибо люди XXII века ведут себя принципиально иначе, чем герои произведений писательницы.

Что же касается предполагаемого поведения наших современниц, то не стоит спешить выносить им приговор. Если часть “баб” будет вести так, как предсказывает Чижова, то ответственны за это не только они, но те “бабы” и “мужики”, которые на разных уровнях (власти, телевидения, печатных СМИ, образования и т. д.) делали и делают всё, чтобы соотечественники превратились в людей без памяти, сострадания, совести.

Американский исследователь Стивен Лаперуз, размышляя об особенностях русского национального сознания, высказал справедливую мысль: “Русский переживает мир, исходя не из “я” и не из “ты”, а из “мы” (Морозова Т. – Лаперуз Ст. Индивидуализм и соборность. Русско-американский диалог // “Москва”, 1996, № 9). “Мы” как синоним народа – всегда красная тряпка для либерально ориентированных “быков”. Вот и Чижова не может принять пафос следующих слов Ариадны Эфрон: “Я у себя дома, пусть в очень тяжких условиях – несправедливо тяжких! Но я всегда говорю и чувствую “мы”, а там (во Франции. – Ю. П.) с самого детства было “я” и “они”. Эти слова так комментируются Чижовой: “...стоило ли возвращаться на Родину, где эти самые “мы” (звучит совсем по Замятину) их с отцом арестуют, а матери-поэту откажут в просьбе занять место писательской посудомойки” (“Вопросы литературы”, 2009, № 1).

Чижова, как и герои её произведений, не видит разницы между народом и властью, которые десятилетия разделяла пропасть (она стала ещё большей

в последние два десятилетия). И, конечно, не народ, не “мы” арестовали отца и дочь Эфрон, отказали Цветаевой в работе...

Народ у Чижовой — Панька, Фрося, Валя, Зинаида — по-разному ограниченные, бездуховно-безнравственные, трусливые, завистливые люди. Интеллигентски-либеральная предвзятость беллетристики не позволяет увидеть в народе другие человеческие типы, которые и превращают население в собственно народ. Показателен в этом отношении следующий сюжет из эссе об Ариадне Эфрон. Писательница приводит цитату из письма дочери Цветаевой, где, в частности, говорится о неизвестном заключённом, который на этапе отдал Ариадне свою горбушку хлеба со словами: “На, сестра”. Однако этот эпизод по понятным причинам остаётся автором не замеченным.

Все негативные высказывания о народе Чижова адресует именно русскому народу. Он — опора советской системы, народ-оккупант, народ-палач, народ-самоуничтоженец, народ-язычник, народ-антисемит. Так характеризуют русский народ эстонец Тоомас, полукровка Мария, группа молодых евреев, еврей Иосиф. По-настоящему альтернативный взгляд на русских (на уровне героев или автора) в “Полукровке” отсутствует. Другие же народы столь масштабно не характеризуются, о них определённо можно сказать, что они — жертвы.

Через весь роман лейтмотивом проходит идея о народе-победителе и народа-жертвах, евреев прежде всего. Логически закономерно эта идея реализуется в следующем эпизоде. Полукровка Мария (еврейка по отцу и русская по матери) “выбывает” для своего умершего дяди-еврея сухую могилу вместо могилы с водой, куда все евреи безропотно согласились опустить покойника. Интересна интерпретация данного события на поминках: все евреи решили, что решительный поступок Марии обусловлен русской кровью её матери.

Естественно возникает вопрос: почему герои “Полукровки” и Чижова в своей публицистике забывают о “решительных” евреях, о всех троцких, свердловых, урицких, зиновьевых, кагановичах, френкелях и многих, многих других?.. Также игнорируется очевидное: все народы Российской империи “поучаствовали” в революции, Гражданской войне, коллективизации и других кровавых событиях XX века; в каждом народе были свои палачи, жертвы, герои; возлагать ответственность за преступления XX века на один народ — это, по сути, “протягивать руку” идеологам фашистской Германии.

“Протянутую руку”, высшую степень ненависти Чижовой к русским, я вижу в её очерке о Германе Гессе “Степной волк” российских степей”, вижу в следующих словах автора: “Русская свинья”, расхожее немецкое ругательство времён Второй мировой войны, в этом контексте (выше Чижова утверждала: “Россия, по словам Достоевского, впустила в себя “бесовский легион”. — Ю. П.) приобрело неожиданное подобие смысла: в свиней, своё последнее убежище, устремились евангельские бесы, вынесенные Достоевским в эпиграф романа” (“Звезда”, 2004, № 9).

Во-первых, “евангельские бесы, вынесенные Достоевским в эпиграф романа” — это смысловая нелепица (явление столь распространённое в прозе и публицистике Чижовой). Во-вторых, бесы у Достоевского — это нигилисты-революционеры, одержимые антихристианскими идеями. Их писатель никогда не отождествлял с русским народом, идеалом которого, как утверждал Достоевский, является Христос. В-третьих, почему Чижова не ищет “подобие смысла” в аналогичном и не менее распространённом немецком ругательстве “еврейская свинья”. Такие надписи появились на еврейских лавках и домах в “хрустальную ночь”, о чём, в частности, говорится (по примеру Чижовой сошлюсь на художественное произведение) в романе Гюнтера Грасса “Жестяной барабан”.

Проблема антисемитизма — одна из центральных в “Полукровке”. Ненависть к евреям — вот что, по Чижовой, объединяет фашизм, большевизм и русский народ. Примерами проявления разноуровневого антисемитизма в романе являются частые ссылки героев на “дело врачей” и несостоявшуюся депортацию евреев, проявление бытового антисемитизма по отношению к семье Арго и Самуилу Юльевичу, осквернённая могила отца Юлия, упоминания о сложностях и непреодолимых препятствиях, возникавших у евреев при поступлении в вузы...

Эти и другие факты должны передать невыносимую атмосферу тотального государственного антисемитизма в СССР. Сегодня версия о государственном

антисемитизме в Советском Союзе — аксиома для многих наших соотечественников. Вот и в отзывах на “Полукровку” без тени сомнения говорится об этом явлении. Сей миф прокомментирую кратко на примере романа Чижовой.

Если бы в СССР при поступлении в вузы существовала такая система национального “регулирования”, какой она предстаёт в “Полукровке”, то тогда бы русские занимали первое место в стране по количеству людей с высшим образованием. В реальной же жизни русские уступали евреям, грузинам, армянам, чеченцам и многим другим народам СССР и РСФСР. К тому же я как студент, обучавшийся на филологическом факультете Кубанского университета в те же 70-е годы, что и герои “Полукровки”, не могу не откликнуться на следующий эпизод романа. Мария, узнав, что еврей Юлий — филолог, гадает о том, как ему удалось поступить в университет: “Филология — не история, но всё-таки... Видимо, по большому благу”.

Не могу принять эти и им подобные “факты”—страшилки за исторические реалии 70-х годов XX века ещё и потому, что в жизни я наблюдал другое. На филологическом факультете Кубанского университета количество евреев на каждом курсе колебалось от 7 до 15 человек. И на историческом факультете ситуация была примерно такая же. Среди преподавателей и руководителей структурных подразделений процент евреев был не меньший, чем среди студентов. Деканом факультета романо-германской филологии, например, долгие годы был достойный человек и талантливый руководитель Аркадий Соломонович Рохлин. Нечто подобное было характерно для большинства вузов страны. Показательно и то, что сестра Чижовой, прототип Марии Арго, на исторический факультет поступила...

Ещё более фантазийна многократно звучащая в “Полукровке” версия о несостоявшейся депортации евреев. Рудольф Пихоя, Геннадий Костырченко, Вадим Кожинов и другие исследователи давно уже убедительно доказали, что план Сталина о выселении евреев — это миф. Именно из мифов, творимых по хорошо знакомым рецептам, вырастают “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики Чижовой. Поэтому вполне предсказуемо, что в одном — антисемитском — ряду с лжедепортацией в романе стоят “дело врачей” и борьба с космополитами. Конечно, Чижову не интересует, что по «делу врачей» русских было арестовано больше, чем евреев, а в разряд космополитов попали люди разных национальностей...

Писательница по трудно уловимой логике разговор об истории XX века переводит из плоскости социально-политической в национальную и наоборот. Так, в “Полукровке” о борьбе с космополитами читаем: “К концу сороковых, когда Самуил подкопил знаний, большевистский бог, повелевший именовать евреев космополитами, наложил руку на многие профессорские жизни, однако бог еврейский счёл нужным пощадить Юлиа Исидоровича и послал ему смерть от сердечного приступа...”. О параллельном “Ленинградском деле” Чижова лишь вспоминает с подачи Даниила Гранина в отзыве на его книгу мемуаров. Писательница признаётся: “Конечно, я знала про “Ленинградское дело”. Знала кое-какие подробности и даже некоторые имена. Однако в моей исторической памяти их заслонили имена Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой. Во всяком случае, имя Н. А. Вознесенского не стояло с ними рядом” (“Вопросы литературы”, 2009, № 6).

Если бы Чижова была последовательна в постижении исторических смыслов, то она подчеркнула бы, что проходившие по “Ленинградскому делу” были русскими, и, более того, им инкриминировался русский национализм. И следует помнить, что наказали “ленинградцев” куда жёстче, чем “врачей” и “космополитов”...

Национальный эгоцентризм и либерально-интеллигентский подход к истории у Чижовой проявляются и в другом. В её исторической памяти о жертвах советского режима Пастернак и Ахматова, умершие своей смертью в преклонном возрасте, заслоняют имена расстрелянных “ленинградцев”. Не менее показательно и то, что герои “Лавры” и “Полукровки”, да сама Чижова, говоря о миллионах, превращённых в пыль, о крестьянстве — главной жертве XX века — даже не упоминают. Не упоминают, видимо, потому, что национальная и сословная принадлежность этих жертв в их историческую концепцию не вписывается.

Темы уничтожения крестьянства в годы Гражданской войны и коллективизации Чижова, думаю, не касается ещё и из-за того, что тогда обязательно

всплывут фамилии идеологов и практиков раскрестьянивания и расказачивания – сплошь и рядом еврейские. Это – более убедительное объяснение истоков антисемитизма, чем кровь, чем от рождения якобы присущая русским ненависть к евреям. Естественно, никакие аргументы не оправдывают евреев-ненавистников, как и фобов любых национальностей.

Анна Анненкова в статье “Преступление без наказания” (“Новый мир”, 2005, № 11) говорит о соседке семейства Арго, “страдающей лёгкой формой наивного, простонародного антисемитизма”. Елена Погорелая, ссылаясь на Анненкову, из соседки делает “соседок по коммуналке” (“Вопросы литературы”, 2010, № 3), то есть записывает в антисемиты не только Паньку, но и её мать Фросю, которая о евреях не говорит ни слова. В данном случае удивляет непоследовательность не только названных критиков, но и многих авторов, писавших о романе. Почему ими осталась незамеченной, мягко говоря, неприязнь евреев к русским?

Я имею в виду не столько полукровку Марию (чьи оскорбительные высказывания и действия по отношению к русским во много раз – по градусу ненависти и изошрённости мести – превосходят “простонародный антисемитизм” Паньки, который на фоне русофобии Марии вообще кажется наивной детской шалостью), сколько добропорядочных евреев. Для большинства из них мир делится на “наших” – евреев и “не наших” – не евреев, прежде всего русских людей, уже в силу национального происхождения неполноценных. Например, еврейская бабушка Марии до конца жизни так и не приняла не только русскую невестку, но и её детей, своих внуков. Или братья отца Марии предлагали её матери сделать аборт, ибо второй ребёнок навсегда привяжет Михаила-Мойшу к русской жене. Подобным образом реагирует на потенциальную невестку и мать Иосифа.

Нетрудно предположить и то, какая лексика, адресованная “не своим”, русским, остаётся “за кадром”. Вряд ли она мягче антиеврейских выпадов Паньки или Вали. С большой долей уверенности можно сказать, что еврейские родственники Марии Арго выражались примерно так, как в реальности делали, по свидетельству Моисея Альтмана, его соплеменники: “Вообще русские у евреев не считались “людьми”. Русских мальчиков и девушек прозывали <...> “нечистью”... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал, а дрыхал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души. Душа была только у еврея...” (Цит. по кн.: Кожинов В. Россия. Век XX (1901–1939). – М., 1991).

Почти все проблемы и идеи “Полукровки”, поступки и чувства героев рано или поздно упираются в кровь и ею, как правило, исчерпываются. Кровь – одно из ключевых понятий в мире Чижовой. Кровь – слово, предельно часто употребляемое в тексте в самых разных (в том числе и неожиданных для традиционного русского “уха”) контекстах.

Русским писателям, критикам, мыслителям всегда был не приемлем “кровавый” подход к человеку, обществу, истории, литературе и т. д. Для русскоязычных авторов кровь – универсальный критерий для понимания всех и вся, любых проблем. На болезненный “животный” интерес к крови либеральной интеллигенции на примере творчества Б. Окуджавы одним из первых (почти 40 лет назад) указал Михаил Лобанов. Позже, характеризуя взгляды Игоря Виноградова и его единомышленников, критик нашёл ёмкий образ – “работники особой лаборатории по анализу крови” (Лобанов М. Пути преображения. Литературные заметки. – М., 1991).

При чтении “Полукровки” очень часто возникает ощущение, что ты находишься именно в такой лаборатории. Судите сами: “Она явится, выследив его по запаху, который источает его бессильная еврейская кровь...”; “...я (Мария. – Ю. П.) вернусь и убью тебя <...>. Клянусь своей грязной кровью”; “Отец (Марии. – Ю. П.) сидел, опустив плечи. Неизбежное рабство бродило в его крови”; “В её крови (думает Юлий о Марии. – Ю. П.) сошлись национальные судьбы – два закона, вытекающие один из другого и этим соединённые накрепко. В то же время они противоречили один другому, казались несовместимыми”; “Нурбек Хайсерович, скажите... – она (Мария. – Ю. П.) обращалась к его крови”; “Кровь, вспаившая от предательства, звала к мести”; “...он (Иосиф. – Ю. П.) представлял себе унылое темноволосое существо (жену-еврейку. – Ю. П.), обладающее одним, но несомненным достоинством: в глазах его отца и матери этим достоинством была правильная

кровь”: “Кровь, ходившая под спудом (у Марии. – Ю. М.), нашла выход: грязные слова, рождённые волчьей пастью (профессора Успенского. – Ю. П.), играли в звериных связках”.

В романе вина героя определяется исключительно его кровью, национальным происхождением. Только русские у Чижовой уже от рождения виноваты перед другими народами СССР. Так, в одном из ключевых эпизодов “Полукровки” Мария говорит эстонцу Тоомасу: “Мой отец еврей, но мать – русская, а значит, я тоже перед тобой виновата”. Аналогичную – русскую – вину героиня испытывает и по отношению к немке Марте, чья семья была выслана из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Подчеркну: закон национальной вины, применяемый Чижовой к русским, по отношению к другим народам не действует. Та же Мария вину за евреев не испытывает, такие чувства и мысли у неё в принципе невозможны. Когда же немка Марта проявляет обеспокоенность, ожидая недоброе отношение со стороны еврея Михаила Арго, Мария говорит ей: “Ты-то тут при чём?! Ты, что ли, убивала? Расстреливала лично?” Однако на русских эти справедливые аргументы не распространяются.

“Кровяной” подход к человеку и времени, который демонстрируется в “Полукровке”, оказался заразительным и весьма убедительным для некоторых либеральных авторов. Они, размышляя о проблеме нас интересующей, идя вслед за персонажами романа и Чижовой, договаривают до конца, делают итоговые выводы. Так, Елена Погорелая, отталкиваясь от мыслей главной героини и Юлия, утверждает, что “настоящее преступление Марии бродит в её крови”, ибо в ней есть кровь “гонителей” – русских. Преступления героини критик называет беснованием, объясняя его старанием «изжить в себе чужую, преступную кровь, отделить, отринуть её от жертвенной крови» (“Вопросы литературы”, 2010, № 3).

Итак, русская кровь – преступная кровь. Эту точку зрения, столь распространённую среди либеральных авторов, нет смысла комментировать. Людей, так думающих, нужно лечить...

Всё сказанное позволяет утверждать, что “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики Чижовой национально и либерально ограничены, их доминантой является русофобия. У нас нет никаких оснований называть Чижову русским писателем.